

Лексические и грамматические параметры аспектуальности в адыгейском языке

Аркадьев Пётр Михайлович

молодой ученый

Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

email: peterarkadiev@yandex.ru

Как отмечалось исследователями (см. [Рогава, Керашева 1966; Кумахов 1971; Гишев 1989; Paris 1989; Зекох 2002]), в адыгейском языке аспектуальные противопоставления реализуются в системе форм прошедшего времени, где имеется «прошедшее совершенное» (*претерит*, суфф. -гъэ), обозначающее единичное событие, воспринимаемое в его целостности, и «прошедшее несовершенное» (*имперфект*, суффикс -цтыгъэ), обозначающее событие в развитии (дуративное значение) либо неопределённое повторение события в прошлом (хабитуальное значение). Тем самым, система видовых категорий в адыгейском языке входит в один ряд с отмеченными в языках мира аналогичными системами, представленными, в частности, и в европейских языках (см. [Маслов 1978; Dahl 1985; Dahl (ed.) 2000]).

Помимо собственно грамматического противопоставления видо-временных форм, адыгейский язык обладает также лексико-грамматическими категориями, непосредственно связанными с аспектуальностью. Во-первых, это фундаментальная для системы адыгского глагола дихотомия динамических и стативных глаголов (см. [Рогава, Керашева 1966; Гишев 1989]), проявляющаяся, в частности, в устройстве глагольных парадигм и в наборе грамматических категорий, которых у стативных глаголов меньше, чем у динамических. Во-вторых, это «скрытая» категория *акциональности* («аспектуальный класс» по [Vendler 1967; Verkuyl 1989], «таксономическая категория» по [Падучева 2004], «акциональный класс» по [Tatevosov 2002; Tatevosov 2005]), которая определяет основные характеристики аспектуального поведения глаголов (ср. [Керашева 1995а; Гишев 1989]). Для выявления набора акциональных классов в адыгейском языке была использована универсальная эмпирическая процедура, предложенная С.Г. Татевосовым (ук. соч.), заключающаяся в определении набора значений основных видо-временных форм (настоящего времени в актуально-длительном употреблении и претерита) у репрезентативной выборки глаголов и отнесении к одному классу глаголов, имеющих одинаковые наборы значений этих форм. Значения, релевантные для аспектуальной классификации, входят в универсальный набор элементарных акциональных категорий: состояние (S; 'лежать'), процесс (P; 'бежать'), мультипликативный процесс (M; 'кашлять'); вхождение в состояние (ES; 'лечь'), вхождение в процесс (EP; 'побежать'), квант мультипликативного процесса (Q; 'кашлянуть'). В результате последовательного применения указанной процедуры в адыгейском языке были выявлены следующие основные акциональные классы (при названии класса приводится набор значений форм настоящего времени и претерита и примеры глаголов):

стативный (S; S): *щылъын* 'лежать', *псэун* 'жить';

инцептивно-стативный (S; ES): *шлэн* 'знать', *лъэгъун* 'видеть';

процессуальный (P; P): *джэгун* 'играть', *тхэн* 'писать' (неперех.);

ингрессивно-процессуальный (P; EP): *клон* 'идти', *быбын* 'лететь';

мультипликативный (M; Q): *куон* 'кричать', *ужъунтхэн* 'плевать';

моментальный (-; ES): *дзын* 'бросить', *къэон* 'лопнуть';

предельный (P; ES): *лэн* 'умирать', *етын* 'давать', *тлын* 'копать'.

Акциональная система адыгейского языка включает в себя в основном классы, наблюдаемые и в других языках, т.е. типологически релевантные акциональные классы ([Татевосов, ук. соч.]). Информация об акциональном классе данного глагола имеет большую предсказательную силу: из неё можно вывести, например, допустимые интерпретации форм имперфекта (так, процессуальные и предельные глаголы допускают как хабитуальное, так и дуративное прочтение имперфекта, а моментальные – только

хабитуальное) и некоторых нефинитных форм, равно как и деривационные возможности глаголов (ср. [Керашева 1995б]).

Отдельную интересную проблему представляет сочетаемость глаголов разных акциональных классов с наречиями типа *сыхъатныкъо* ‘полчаса’ и *сыхъатныкъокIэ* ‘за полчаса’. Набор интерпретаций формы претерита вне сочетаний с наречиями отличается от такового в присутствии наречий, причём предсказуемым и закономерным образом. Это заставляет предположить, что темпоральные обстоятельства в адыгейском языке не просто «подстраиваются» под акциональные значения предиката, но и способны влиять на акциональную характеристику глагольной группы (ср. [Güven 2004]).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в адыгейском языке существует весьма богатая система аспектуально релевантных единиц, представленных по меньшей мере на трёх уровнях: лексическом, синтаксическом и морфологическом.

Литература

- Гишев Н.Т.* Глагол адыгейского языка. М., 1989.
- Зекох У.С.* Адыгейская грамматика. Майкоп, 2002.
- Керашева З.И.* Проблема аспекта и способа действия в финитных и инфинитных глаголах в адыгских языках // З.И. Керашева. Избранные труды и статьи. Майкоп, 1995. С. 286–290.
- Керашева З.И.* Аспектуальные аффиксы и их роль в выражении способов действия в адыгских языках // З.И. Керашева. Избранные труды и статьи. Майкоп, 1995. С. 290–297.
- Кумахов М.А.* Словоизменение адыгских языков. М., 1971.
- Маслов Ю.С.* К основаниям сопоставительной аспектологии // Ю.С. Маслов (ред.), Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978. С. 4–44
- Падучева Е.В.* Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Розава Г.В., Керашева З.И.* Грамматика адыгейского языка. Краснодар – Майкоп, 1966.
- Татевосов С.Г.* Акциональность: типология и теория // Вопросы языкознания. 2005. № 1, С. 108–141.
- Dahl Ö.* Tense and aspect systems. Oxford, 1985.
- Dahl Ö.* (ed.) Tense and Aspect in the Languages of Europe. Berlin, New York, 2000.
- Güven M.* Adverbials in Turkish: The Third Parameter in Aspectual Interpretation. PhD Dissertation, Boğaziçi University, 2004.
- Tatevosov S.G.* The parameter of actionality // Linguistic Typology. 2002. Vol. 6. No 3. P. 317–401.
- Vendler Z.* Verbs and times // Z. Vendler. Linguistics in Philosophy. Ithaca, New York, 1967. P. 97–121.
- Verkuyl H.* Aspectual classes and aspectual composition // Linguistics and Philosophy. 1989. V. 12. No. 1. P. 39–94.